краснобаемъ, умѣющимъ слагать красивыя по наружности и увлекающія недальновидныхъ анти-богословскія сѣти. Здѣсь съ Толстымъ, какъ съ умопомѣшаннымъ, у котораго idée fixe, нельзя говорить: онъ вѣритъ только въ себя и въ подобныхъ себѣ людей съ предвзятыми, какъ онъ, мыслями; здѣсь у него діавольская, неисправимая гордость, и онъ умретъ съ нею. Ими же вѣси судьбами Ты Самъ, долготерпѣливый Господи, спаси сего, помраченнаго!

* * *

Я говорилъ уже, что Толстой дышитъ непримиримою ненавистью къ церкви и ея органамъ—священнослужителямъ, не признаетъ ихъ божественнаго права учить, священнодѣйствовать, руководить ввѣренное имъ словесное стадо къ добродѣтели и къ Богу—отвергаетъ истину и спасительность ихъ ученія; не признаетъ богооткровеннаго ученія церкви; признаетъ нелѣпое равенство всѣхъ людей, не допускаетъ подчиненности младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальству, вѣрноподданныхъ Царю, словомъ — производитъ какую-то сутолоку и сбивчивость во всемъ, и, отвергая все, вмѣсто отвергнутаго онъ ничего не даетъ, оставляя людямъ только разумъ, который такъ извѣстенъ по своимъ нелѣпымъ заблужденіямъ черезъ всѣ прошедшія тысячелѣтія, и утверждая, что люди могутъ дойти до совершенства своимъ разумомъ. Вотъ и дошелъ Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнувъ все богооткровенное, спасительное, христіанское ученіе и Богомъ основанную на землѣ церковь.

Толстой—неслыханная гордыня и дерзость воплощенная. Онъ уничижаетъ всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ и священниковъ и судитъ ихъ, себя же ставитъ судьею всѣхъ; какъ обличаетъ всѣхъ, ложныхъ проповѣдниковъ и учителей обманщиковъ, проповѣдующихъ то, во что будто бы они сами не вѣрятъ, и только притворяются будто вѣрятъ. Вотъ уже, что называется, съ больной головы на здоровую. А сколько есть искренно вѣрующихъ между иновѣрными духовными особами, не говоря о лицахъ православнаго духовенства. Отлученный отъ церкви, Толстой еще больше возненавидѣлъ ее и ея служителей.

* * *